

Дали Сальвадор
(100-летию рождения)

11.05.04.

ДЕВЮ

юбилей

Газета - 2004 - 11 мая - с. 13.

“их программа — целовать девушек”

Сальвадору Дали — 100 лет

СЕРГЕЙ САФОНОВ

Сегодня исполняется сто лет Сальвадору Дали (1904—1989), художнику, некогда сказавшему про себя: «Я — не сюрреалист, я — сюрреализм». В системе российских художественных координат уроженец Испании долгое время занимал (да и сегодня, кажется, занимает) совершенно особое место.

Его живопись отсутствует в отечественных музеях, небольшая подборка офортов, экспонирующаяся по случаю нынешнего юбилея, подарена ГМИИ совсем недавно, а про литографии, всплывающие в последнее время во всякого рода коммерческих экспозициях, ходят упорные слухи, что из-за механического воспроизведения и гигантских тиражей цены им в буквальном смысле нет. Тем не менее редкая советская художественно-пропагандистская книжка, выпущенная хоть в до-, хоть в послесловские времена, обходилась без гневных бичеваний сюрреализма вообще и творчества Дали в частности. Рядом обязательно воспроизводились одна-две его работы. Пусть с ужасной цветопередачей и по соседству с картиной безумяного больного шизофренией, как это произошло в издании «Философия и искусство модернизма», вышедшем в Политиздате в 1980-м. Но с другой стороны, в одном ряду с репродукциями Хуана Миро и сценами из спектаклей по пьесам Беккета и Ионеско.

Можно сказать, что в советской окологосударственной мифологии Сальвадору Дали была отведена роль образцового буржуазного художника (каким он, в сущности, и являлся). Такая фигура отечественному партийному искусствознанию была прямо-таки необходима — вне рассмотрения действительных достоинств и недостатков творчества. А чем еще объяснить, что во времена книжного голода и регулярных заочных бичеваний роскошные зарубежные издания, посвященные творчеству Дали, нетрудно было найти — правда, за большие деньги — почти в любом букинистическом магазине, торговавшем альбомами по искусству?

В одной из давнишних «установочных» книжек удалось найти цитату, иллюстрирующую советское официальное отношение к творчеству Дали и его собратьев по сюрреализму. «Меткую, уничтожающую характеристику сюрреалистам дал Илья Эренбург, личный свидетель становления их деятельности: «Они и за Гегеля, и за Маркса, и за революцию, но на труд они никак не согласны. У них свое дело... Они прилежно проедают кто наследство, а кто приданое жены... Они начали с непристойных слов... Наименее лукавые признаются, что их программа — целовать девушек. Сюрреалисты похитрее понимают, что с этим далеко не уедешь. Девушки для них — соглашательство и оппортунизм. Они выдвигают другую программу: онанизм, педерастия, фетишизм, эксгибиционизм, даже скотоложство. Но в Париже и этим трудно кого-либо удивить. Тогда... на помощь приходит плохо понятый Фрейд, и обычные извращения покрываются покровом непонятности. Чем глупее — тем лучше».

Многолетняя антиреклама сюрреализма отчасти повинна в том, что чахлые его ростки десятилетиями пытались взойти и на российской почве. Подражание западным авторам-сюрреалистам в семидесятые годы культивировали доморощенные «сюрвики» с Малой Грузинской улицы: массовый интерес московской публики к их экспозициям зачастую был вызван многозначительным сопоставлением вроде бы несопоставимых деталей изображения. Да и бедолага Никас Сафронов отдал дань если не серьезному изучению ремесленных навыков Дали, то карикатурному подражанию ему. Как заметил однажды автор «Лица войны» и «Атомной Леды»,

Сальвадор Дали представляет свою восковую фигуру в парижском музее Гюстава Моро. 1971 г. Фото: AFP

«я думаю, что современное искусство — это полный провал, но ведь другого искусства у нас нет и быть не может, а то, что есть, — дитя времени, дитя краха».

Дали приложил руку к созданию собственного мифа, но можно все же попытаться реконструировать хронику становления художника. Он родился в испанском Фигерасе, учился в муниципальной школе и в монастырском колледже. Первые опыты рисования датированы 1914 годом; еще через четыре года Дали

увлекся творчеством импрессионистов и участвовал в выставке художников Каталонии. Затем последовало увлечение футуризмом и, соответственно, изменение творческого метода. Как потом выяснилось, вновь ненадолго: очередные свои симпатии Дали отдал метафизической живописи в духе Джорджо де Кирико и Карло Карра. Почти до конца двадцатых Дали ограничивался традиционными жанрами портрета и пейзажа, даже если применял в них «новейшие технологии» кубизма. Поворотным оказался

1928 год: в это время Дали познакомился с Андре Бретоном, опубликовал «Каталонский антихудожественный манифест», в содружестве с Бунюэлем начал работу над фильмом «Андалузский пес».

Затем последовали скандальные показы этой сюрреалистической киноленты, работа над вторым фильмом «Золотой век», создание живописных «Осеннего каннибализма» и «Сна, навеянного полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения», встреча с Галой — женщиной, став-

шей вскорости руководящей и направляющей силой в карьере Дали. Первым из художников он сумел создать универсальный бренд на основе собственного имени. «Я часто думаю, что ведь куда труднее (а значит, и достойнее) достичь того, что я достиг, не обладая талантом, не владея ни рисунком, ни живописью, — размышлял Дали на закате дней. — Именно поэтому я считаю себя гением. И от слова этого не отступлюсь, потому что знаю, чего это стоит, — без никаких данных сделаться тем, что я есть».